

ГЛАВА 1

Морозная северная ночь стояла над островом, возвышающимся над ним монастырем и еще не до конца замерзшим Белым морем. Тихий плеск морских волн, набегających на берег, лишь подчеркивал ночную тишину. И в этом застывшем безмолвии звук выстрела прозвучал громко и чуждо. Он разорвал ночную тишину, раскатился эхом по гранитным скальным выступам и словно разделил эту ночь надвое. В монастыре его услышали все насельники.

Руслан, подвизающийся в этой островной обители трудником, вскочил и впотьмах больно ударился головой о полку. Генератор на ночь для экономии бензина отключили, электричества не было, а ночную свечу зажигать он не стал, так как в келье и без того было душно. Монастырь и его насельников ждала долгая

северная зима. Лед в Белом море вставал не сразу из-за речек, текущих с юга. Вода в них остывала не сразу, так что надеяться на скорое пополнение запасов хоть того же бензина не приходилось — навигация уже закончилась.

Руслан чертыхнулся, затем перекрестился, пробормотав: «прости Господи, богохульство мое...», включил фонарик, накинул ватник, сунул ноги в валенки и выскочил на улицу. Ночные тени, казалось, стали еще гуще, и Руслан никак не мог понять, откуда прозвучал выстрел. Он прошел на середину монастырского двора, огляделся и уголком глаза увидел, как в жилом, так называемом братском, корпусе сверкнул огонек керосиновой лампы.

На крыльцо вышел послушник Серега, невысокий мужичок в черном морячком бушлате. Кивнув ему, Руслан начал обходить территорию монастыря, подсвечивая себе фонариком. Вскоре из своих келий показали монахи: огромный как медведь брат Тихон и толстый казначей монастыря Спиридон. Руслан и Серега подошли к ним:

— Чаво случилось-то? — специфическим карельским говором спросил послушник.

— А Бог его знает, — прогудел Тихон. — Выстрел был. Его ни с чем не перепутаешь.

— А отец Димитрий где? — встрепенулся Спиридон. — Ружье-то у него хранилось.

С этими словами он повернулся и, не смотря на свою комплекцию, резво забежал на крыльцо, ведущее в покои настоятеля. Через минуту он вышел с растерянным лицом:

— Немае отца Димитрия...

Руслан промолчал. Шестым чувством он понял, что стоит пройти до пристани. Она была чуть поодаль, в метрах ста, под холмом, на котором стоял монастырь. Руслан спустился вниз и вышел на деревянный причал. О сваи причала стучала бортом деревянная лодка. Руслан сразу увидел, что она отвязана и свободно дрейфует вдоль пристани. От монастыря к причалу по снегу вели две пары следов. Назад возвращался только один человек.

Предчувствуя недоброе, Руслан подошёл к краю причала и заглянул в лодку. На её дне лежал, запрокинув лицо в звёздное небо, отец Димитрий, настоятель монастыря. Рядом с ним поблескивало ружье двенадцатого калибра, выдавшая виды двустволка Ижевского завода.

Даже при тусклом свете фонарика было ясно, что настоятель мертв. Посреди груди зияла кровавая рана, ноги отца Димитрия

были неестественно подвернуты. Несколько снежинок, упавших на лицо настоятеля, растаяли, и казалось, что из его раскрытых глаз текут слезы.

Руслан снова непроизвольно чертыхнулся, достал смартфон и сфотографировал следы на причале и самого убитого. Затем лег на заснеженный деревянный настил и осторожно, чтобы не свалиться в ледяную воду, подтянул суденышко к пристани, перебирая руками по борту лодки и притягивая ее к себе. Он добрался до носа лодки, с которого свисала веревка, захватил её и закрепил на столбе-кнехте.

К причалу уже спешили монахи, за ними шел послушник Серега.

— Гхосподи помилуй! Шо же это деется? — первым отреагировал Спиридон, увидев мертвого настоятеля.

— Никак убили? — не до конца понял произошедшее Серега и начал часто и мелко креститься.

Тихон молчал и лишь ошеломленно качал головой, не в силах осознать несчастье.

— Нешто сам себя порешил? То вить грех неотмолимый! Грех смертный! — воскликнул Спиридон.

Руслан молчал и слушал. Двадцатипятилетний опыт работы полицейским подска-

зывал, что перед ним убийство. А об убийстве он по старой ментовской привычке старался собирать, а не распространять информацию. Во-первых, на причале, судя по следам, кроме отца Димитрия был кто-то еще. Во-вторых, он знал, что невозможно застрелить самого себя из охотничьего ружья, если только не использовать пальцы ног или какое-то замысловатое приспособление. Настоятель был в валенках, никаких приспособлений в лодке Руслан не заметил, поэтому понял, что перед ним классическая мокруха.

— Ладно. Надо в полицию звонить. Заявить о преступлении, — сказал он со вздохом.

Как он ни стремился убежать от своей прошлой жизни, она шла за ним по пятам.

— А как они сюда доберутся? Катера уже не ходят, а лед еще не встал. Вертолетом, что ли? — Серега вопросительно развел руками.

— Это их дело. Наша задача — сообщить. А где, кстати, остальные? — В голосе Руслана прозвучали властные нотки.

— Ну, брат Иоанн спит, поди, в ските своем. Шо в его годах-то еще остаётся. Баба Шура тоже. А вот с Даней непонятно, не видно его, — ответил Спиридон.

— Так! Я пойду к Дане. Серега, лезь на колокольню, сообщай в полицию, — Руслан, не-

заметно для себя и окружающих, взял на себя руководство.

Возражать никто не осмеливался, потому что это был тот самый случай, когда опыт службы в полиции намного важнее монастырских правил. Сотовая связь в монастыре была неустойчивая и слабая, так что позвонить или отправить сообщение можно было только с самой верхней точки острова, с церковной колокольни. Руслан знал, что распутывать преступление лучше по горячим следам, потому тут же пошел опрашивать остальных свидетелей.

Он зашел в гостевой домик и, не снимая валенок, прошёл в келью Дани. Это был недавно прибывший в обитель молодой трудник, которого определили в летний гостевой домик, обогревавшийся буржуйкой. Возле печки и стояла кровать Дани. Но тепла буржуйка уже не давала, потому как полностью прогорела. В помещении было холодно. Руслан осветил фонариком кровать.

Даня, длинноволосый молодой человек, лежал навзничь с раскинутыми руками. Он был полностью одет, только рукава были закатаны. Правая рука у него была перехвачена жгутом, а рядом на кровати поблескивал шприц с засохшей капелькой крови на острие иглы. На тумбочке лежали в упаковке ампулы

какого-то сильнодействующего препарата с красными полосками, две из них были обломаны и опустошенными.

— Твою же мать! — выругался Руслан и пощупал пульс Дани, приложив два пальца к сонной артерии молодого человека.

Тот был жив, но в полной отключке.

— Так он торчок, что ли? — За спиной Руслана загудел густой бас Тихона. — То-то я, смотрю, дерганный он какой-то.

— А он не мог все это сюда провезти. Я сам видел, как его вещи отец Димитрий обыскивал. Ишо подумал, чегой-то он szukaет? И хде он это взял? — вставил свои пять копеек Спиридон.

— Так что, получается, он настоятеля за дурь порешил? — По багровому лицу Тихона было видно, что он готов придушить непутёвого трудника.

— Так, успокойтесь! Этот пассажир еще не скоро в себя придёт. Пойдем келью отца Димитрия осмотрим, — скомандовал Руслан.

При выходе он внимательно осмотрел вальенки Дани. Небрежно сброшенные, они лежали в лужице талой воды.

Они вышли из летнего домика и прошли в братский корпус. В покои настоятеля вело отдельное крыльцо, братия заходила к себе

с другого входа. Братский корпус был не в пример теплее летнего домика, так что они при входе разделись. В покоях отца Димитрия было чисто и аккуратно, но взгляд Руслана резанул вид металлического шкафа, вероятно используемого настоятелем как сейф. Угол железной двери был отогнут, как будто его кто-то вскрывал. В проделанную щель вполне могла пролезть рука и вытащить что-то из сейфа. Вслед за Русланом на шкаф обратили внимание остальные монахи.

— Дело ясное, отогнул дверку, украл ампулы, убил настоятеля, чтобы следы скрыть, закинулся и спит теперь. Торчок сраный, прости Господи, — обычно немногословный Тихон разразился целой тирадой.

— Отпечатки стараемся не попортить. Ничего тут не трогаем, — скомандовал Руслан. — Ждём ментов.

В комнату зашел Серега и, откашлявшись, сообщил:

— Поговорил я с участковым. Говорит, попробует вертолет заказать. Пока, сказал, тело в холодный сарай положить, чтобы до его приезда сохранилось.

— Ну, пошли тело забирать. — Руслан шагнул к двери, видя, что монахи парализованы случившимся.

Перед выходом он глянул на содержимое сейфа. Спиридон только что осторожно отпер его своим ключом. Руслан увидел там только разного вида документы, после чего догнал остальных. Они дошли до причала и начали советоваться, что делать. Спиридон предложил двоим залезть в лодку и оттуда передать тело на берег, но Тихон покачал головой и сделал по-своему. Он отвязал веревку, провел лодку вдоль причала к берегу и один, без помощи других, вытащил ее на заснеженный берег. Только вздувшаяся вена на лбу говорила об усилиях, которые ему пришлось приложить.

— Дык давайте его прямо в лодке до сарая и дотолкаем, — предложил Серега.

Он явно боялся мертвого тела. У Руслана таких предрассудков не было, но он не хотел утратить улики, трогая и перенося тело, поэтому кивнул и стал рядом со Спиридоном толкать лодку сзади. Тихон по-прежнему тянул ее за веревку, а Серега побежал раскрывать двери сарая, служившего импровизированным гаражом.

В сарае Руслан надел рукавицу и аккуратно вытащил ружье из лодки, стараясь не стереть отпечатки пальцев. Понюхав стволы, он почувствовал сильный запах пороха и свинцового налета.

— Точно, из него стреляли... — сообщил Руслан, признав и без этого очевидный факт.

Затем он отправился в летний домик, где растопил буржуйку, чтобы согреть остывшее помещение. «Еще не хватало подозреваемого заморозить...», — подумал он. Спать рядом с убийцей ему не хотелось, но выхода не было. Он привязал Даню за ногу веревкой к кровати и подложил дров в печку. Затем поставил в угол рядом с собой ружье и лег спать на соседнюю койку, прочитав импровизированную молитву за упокой отца Димитрия. Для трудника было серьезным потрясением столкнуться с убийством в монастыре, где он надеялся найти покой и утешение.

Руслан чувствовал, как в душе его закипает злоба и ненависть к убийце. Сейчас он был растерян, потому что не знал, как ему поступать. В прежней его жизни такие эмоции, наоборот, помогали ловить преступников. Но здесь, в монастыре, все должно было быть по-другому, ведь каждый день его учили смиряться и прощать зло ближнему своему.

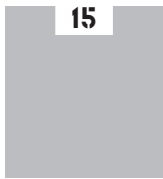

ГЛАВА 2

За полгода до описываемых событий

Утро у Руслана Бортникова не задалось. Вечером он выпил привычные двести грамм водки, призванные расширить сосуды и снизить высокое давление, но вместо этого у него оно подскочило, и ему пришлось наглотаться таблеток. Поскольку инструкции от лекарств были давно потеряны, Руслан явно напутал с их дозировкой и совместимостью. Поэтому спал он кое-как, толком не проваливаясь в глубокий сон. Проснувшись, Руслан пошел заваривать кофе, чтобы прийти в себя.

Питерская погода, под стать его настроению, выдалась пасмурная. В запыленном окне виднелся золотой купол церкви Смоленского кладбища, а под окном текла речка Смо-

ленка, насквозь пересекающая Васильевский остров. Холостяцкая кухня выглядела неприглядно. Гора немытой посуды грозила вывалиться из раковины. Соседка, исполняющая роль помощницы по хозяйству, приболела, а сам он даже не пытался разобраться с посудомоечной машиной.

Чистых чашек не было, так что Руслан, с трудом отыскав кружку с наиболее свежими разводами от кофе, залил в нее ароматно пахнущую жидкость и принялся завтракать. В холодильнике обнаружили только шпроты, еще он нашел завалившиеся галеты, так что завтрак получился на любителя.

После кофе Руслан почувствовал, как вновь скакнуло давление. «Твою мать!.. Надо обращаться к Никитичу...», — решил он и набрал в телефоне сообщение, адресованное его давнему товарищу. Никитич вообще-то был урологом, а не кардиологом, и с повышенным давлением был знаком только теоретически. Но поскольку друзья доверяли ему, он постепенно начал лечить всех своих пациентов от любых имеющихся у них болезней. Пару раз он уже советовал Руслану пройти полное обследование, но тот отмахивался. «К вам, коновалам, только попади в лапы, тут же найдете кучу болячек и залечите меня...», — хмуро бубнил он.

Руслан отправил сообщение, Никитич тут же отозвался: «Завтра с утра натошак сдавай кровь. Потом жду тебя на обследование». В следующем сообщении была куча медицинских терминов, какие именно показатели надо проверить.

— Спасибо! — отбил ответ Руслан.

Зайдя в ванну, он задумался над необходимостью бриться. Ему отчаянно не хотелось этого делать, но южные гены делали его черную щетину, лишь слегка тронутую сединой, сильно заметной на худощавом лице. Отец Руслана был приемным ребенком и не знал своего истинного происхождения. Но его большой нос, черные глаза и темные кудри выдавали в нем южанина. Мама, чистокровная русская казачка, все время посмеивалась над этим фактом. У Руслана было сухощавое, в отца, телосложение, нос с горбинкой и темные волосы.

«Ладно, побреюсь», — обреченно вздохнул Руслан и начал намывать лицо пеной для бритья. Допив остывший кофе, он поехал на службу. Работал Руслан в уголовном розыске, в отделе, занимающимся организованной преступностью. Должность у него была весомая — заместитель начальника отдела, но по факту он был просто самым крутым опером в своем подразделении.

Начальник отдела, присланный в Питер из Москвы сравнительно молодой хлыщ, с недоверием смотрел на Руслана и не доверял ему ничего из своих обязанностей. Кроме раскрытия самых трудных дел, разумеется. Но Руслану только это и надо было. Он с удовольствием занимался оперативной работой и лишь иногда во время отпусков начальника исполнял его обязанности — не глядя, подписывал какие-то бумажки.

В коридоре Руслан встретил своего товарища, Петруху. Вообще-то, того звали иначе, но кличка, данная ему Русланом пятнадцать лет назад, в момент первого появления молодого сотрудника на службе, прилипла к нему накрепко. Уж больно он напоминал своими светлыми кудрями героя советского фильма «Белое солнце пустыни». Был Петруха сорока лет от роду и профессионально занимался регби.

— Здорово, брателло, — Руслан протянул руку.

— Привет. У нас тут некоторый движ намечается. Прослушка результаты дала. Похоже, «Клоуны» операцию наметили.

— Вот оно что... Как, когда? — Руслан оживился.

«Клоунами» они называли между собой банду, терроризирующую обнальщиков —

коммерсантов, занимающихся отмывом денежных средств и их обналичиванием. Половина потерпевших банально не обращалась в полицию, боясь неприятных вопросов о происхождении денег, но даже тех эпизодов, где заявления подавались, уже хватило для возбуждения дела. Поимка банды стояла на контроле у самого высокого начальства.

Прозвище «Клоуны» бандиты получили из-за клоунских масок, использованных во время нескольких налетов. Впрочем, они всегда меняли почерк своих преступлений.

— Где будут работать — это непонятно. Давай я тебе файл перешлю, — Петруха развел руками.

— Пересылай! Это вы «Тренера» слушали или «Десантника»?

— «Десантника», конечно. «Тренер»-то языком так не молотит.

«Тренер» и «Десантник» были прозвища двух участников банды. Один из них работал тренером по боксу, второй долго служил в ВДВ. Их вычислили по отпечаткам пальцев, но решили не арестовывать, дело получалось пустяковое, прямых улик не было, и те отделались бы влегкую. Надо было брать их с личным, чтобы закатать на всю катушку. Да